

ANGLO-SEMANTISM КОЛЛАБОРАЦИЯ AS A CONFLICTOGENIC ELEMENT IN MODERN RUSSIAN

T. Shkapenko, E. Zubritskaya, P. Makarova

Immanuel Kant Baltic Federal University
56 A, Chernyshevskogo ul., Kaliningrad, 236022, Russia

Abstract. The paper analyzes the process of semantic change of the noun «коллорація» in the Russian language under the influence of semantic transformations that occurred in the word “collaboration” in English. The basis of the appearance of a new lexico-semantic variant in the donor language is the change of the actors of interaction from the “enemy” to the “business partner”, which caused the amelioration of the meaning of the word. English-speaking Internet users pay attention to the innovative use of the word and seek to find out the difference between the meanings of the words “collaboration” and “cooperation”. The general result of the discussions is the conclusion that the noun “cooperation” is used in relation to any kind of interaction, while the new meaning of the word “collaboration” contains an indication of pragmatic goals in interactive processes. The commercialization of the sense contained in the word “collaboration” entails morphological changes, consisting in the appearance of the plural form as a result of the transition of an abstract noun into the category of concrete ones. The introduction of Anglo-semanticism «коллорація» into the Russian language occurs mainly in commercial and interdisciplinary scientific discourse. The analysis of articles headings containing the term «коллорація» shows its high frequency and the status of a fashionable term. At the same time, the innovative use of the word is faced with an ambiguous reaction of native speakers of modern Russian. The analysis of the data obtained as a result of the survey revealed evident discrepancies in the interpretation of the semantics and evaluative connotation of the words «коллорація» and «коллорационизм» among representatives of different age groups. The use of the word «коллорація» in its Americanized meaning causes cultural shock among many representatives of older age groups. Most representatives of younger age groups do not feel cognitive dissonance due to their ignorance of the meaning of the word «коллорационизм». The different level of acceptance of the words transmitted from the Anglo-American language picture of the world together with insufficient knowledge of history by the younger generation becomes a reason of explicit or hidden conflict situations in the communication process.

Keywords: English semantic loans, Anglo-semanticisms, linguocultural globalization, collaboration, collaborationism

For citation: Shkapenko, T. M., Zubritskaya, E. V., Makarova, P. F. (2023). Anglo-semanticism *Коллорація* as a conflictogenic element in modern Russian. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(1), pp. 94–106. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-94-106>

АНГЛОСЕМАНТИЗМ КОЛЛАБОРАЦИЯ КАК КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Т.М. Шкапенко, Е.В. Зубрицкая, П.Ф. Макарова

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
236022, Россия, г.Калининград, ул. Чернышевского, 56А

Аннотация. В статье анализируется процесс изменения значения существительного *коллора́ция* в современном русском языке под влиянием семантических преобразований, произошедших в слове *collaboration* в английском языке. В основе появления нового лексико-семантического варианта в языке-доноре лежит смена актантов взаимодействия с «врага» на «делового партнёра», приводящая к мелиорации значения слова. Инновационное употребление слова обращает на себя внимание англоязычных интернет-пользователей, стремящихся выяснить разницу между значениями слов *collaboration* и *cooperation*. Общим итогом дискуссий является вывод о том, что существительное *cooperation* употребляется по отношению к любому виду сотрудничества, в то время как для нового значения слова *collaboration* характерно указание на наличие прагматических целевых установок. Коммерциализация смысла в слове *collaboration* влечёт за собой морфологические изменения, состоящие в появлении формы множественного числа, маркирующего переход абстрактного существительного в разряд конкретных существительных. Внедрение англосемантизма *коллора́ция* в русский язык происходит преимущественно в коммерческом и междисциплинарном научном дискурсе. Анализ заголовков статей, содержащих слово *коллора́ция*, приводит к выводу о его высокочастотном использовании и обретении словом статуса модного термина. В то же время инновационное употребление слова сталкивается с неоднозначной реакцией носителей современного русского языка. Данные, полученные в результате анкетирования, свидетельствуют о кардинальных расхождениях в интерпретации семантики и оценочной коннотации слов *коллора́ция* и *коллора́ционизм* среди представителей различных возрастных групп. Использование слова *коллора́ция* в его американизированном значении вызывает культурный шок у многих представителей старших возрастных групп. У большинства представителей младших возрастных групп когнитивный диссонанс отсутствует по причине незнания ими значения слова *коллора́ционизм*. Различный уровень принятия транслируемых из англо-американской картины мира семантических заимствований при недостаточном знании молодым поколением истории приводит к возникновению явных или скрытых конфликтных ситуаций в процессе коммуникации.

Ключевые слова: семантические заимствования, англосемантизмы, лингвокультурная глобализация, коллора́ция, коллора́ционизм

Для цитирования: Шкапенко Т.М., Зубрицкая Е.В., Макарова П.Ф. (2023). Англосемантизм *Коллора́ция* как конфликтогенный элемент в современном русском языке. *Филологические науки в МГИМО*. 9(1), С. 94–106. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-94-106>

Введение

В последние десятилетия в русском языке активным образом протекают процессы англосемантизации, когда слово начинает употребляться в новом значении, генерированном в системе лингвокультурных координат американской цивилизации. В отдельных случаях реконцептуализация слова вступает в противоречие с культурно-историческим опытом при-

нимающего языкового сознания. Социально-возрастная и интеллектуальная дифференциация, различная степень вовлечённости людей в глобализационные процессы, а также различный уровень готовности отказаться от своего в пользу чужого, – всё это приводит к лингвокультурной конфронтации между представителями одного и того же этносоциума. Объектом анализа с точки зрения внутренней конфликтогенности в данной работе является англосемантизм *коллора́ция*, употребление которого в последние десятилетия активизировалось в различных дискурсивных областях.

Методы и материал

Теоретико-методологической основой выполненной работы явились труды отечественных и зарубежных учёных в области семантической деривации [6], [4], [8], [11], семантических заимствований [2], неосемантизации и англосемантизации [16]. Под англосемантизмом в работе понимается лексическая единица (слово или словосочетание), генетически чуждая или исконная, изменившая своё значение под влиянием английского языка. Выделение данного типа семантических заимствований в отдельную группу представляется обоснованным в связи с масштабностью данного лингвистического феномена в период глобализации. Материал исследования почерпнут из толковых словарей английского и русского языков, национального корпуса русского языка, российской системы индексирования научных статей e-library, а также материалов нашей картотеки. Анализ осуществлялся на материале английского и русского языков с использованием методов дефиниционного, компонентного, функционально-семантического, контекстуального и социолингвистического анализа.

Существительное *коллора́ция*: историко-генетический аспект

Слово *коллора́ция* пришло в русский язык из латыни в XIX веке, через французский язык, в значении сотрудничества. Согласно историческому словарю галлицизмов русского языка:

«КОЛЛАБОРАЦИЯ и, ж. collaboration f. 1. устар. Сотрудничество. – Так вы какой-же положите процент за коллора́цию <в составлении отчёта>. Бобор. Дельцы. // ОЗ 1873 1 1 128. Острота-то пера – не его, а – Жюли; поправляет он; пишет – она; это – коллора́ция. 1932. А. Белый Москва (маски). Б. 1989 337» [5].

В этом же словаре в качестве второго значения приводится:

2. «Предательское сотрудничество с врагами родины во время Второй мировой войны». Почти каждый француз выдавал себя за участника движения Сопротивления. О маршале Петене и дружески расположенном к нацистам правительстве Виши, о коллора́ции между Виши и немецкими национал-социалистами не было никакого упоминания. ВФ 1995 5 24. Вопрос о поддержке партизан населением по сути дела является оборотной стороной вопроса о готовности к коллора́ции. Родина 2003 7 74. | Коллора́ция Ватикана с нацистами подтверждается многими фактами. НС 1993 6 192» [там же].

Рассматриваемое в историческом масштабе явление сотрудничества с оккупационными режимами получило в русском языке, как и во многих других европейских языках, наименование *коллора́ционизм*, используемое в узком и широком смысле. БАС приводит значение этого слова, привязанное к конкретному историческому периоду:

«Коллора́ционизм, -а, м. collaboration f. Предательское сотрудничество с врагами своей родины во время оккупации её фашистскими войсками в период второй мировой войны» [1].

Современный толковый словарь русского языка интерпретирует значение слова в более широком смысле, как «сотрудничество жителей оккупированной страны с оккупантами» [9].

Определение *коллора́ционизм* по отношению к актам сотрудничества с оккупационными властями получает широкое распространение в различных языках мира, начиная с периода Второй мировой войны. В соответствии с хронологией военных событий первоначально оно использовалось по отношению к практике сотрудничества Франции с немецкими властями в 1940–1944 гг. Французское коллора́ционистское правительство во главе с маршалом А. Ф. Петеном

вошло в историю под названием режима Виши (от названия города, ставшего его местопребыванием). Впоследствии коллаборационизмом именовались также действия других европейских правительств, предпочитающих борьбе с врагом сотрудничество с немецкими оккупантами. Именем нарицательным, символизирующим акт предательства на государственном уровне в западном мире стала фамилия главы правительства Норвегии, В.А. Квислинга, представшего после капитуляции Германии перед судом и казнённого в 1945 году по обвинению в государственной измене. В СССР явление коллаборационизма ассоциировалось, в первую очередь, с Русской освободительной армией А.А. Власова. После поражения фашистской Германии во Второй мировой войне лица, причастные к коллаборационистской деятельности, подвергались во всех странах не только общественному порицанию, но и уголовному преследованию.

Анализ примеров, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка, показывает, что с целью обозначения деятельности сотрудничества с оккупационными властями в русском языке, в основном, употреблялось слово *коллаборационизм* (32 документа, 49 вхождений в газетном корпусе), в то время как примеры использования существительного *коллаборация* в этом значении единичны, и, что знаменательно, по большей части относятся уже к периоду новейшего времени:

«Выделенное слово «десятилетиями» говорит о том, что владыка считал коллаборационизм отнюдь не единственной, но лишь самой низкой и отвратительной формой борьбы зарубежных против их исторической родины» [7].

«И Холокост, и коллаборация – это темы сложные для освещения, обсуждения и понимания» [там же].

С целью наименования лиц, причастных к сотрудничеству с врагом, в русском языке использовалось существительное *коллаборационист* (значительно реже *коллаборант*), истолковываемое словарями как в широком, так и в узком смысле, привязанном к конкретному историческому периоду:

«Предатель, сотрудничающий с врагами своей родины, своего народа» [9]; «Предатель, сотрудничающий с врагами своей родины во время оккупации её фашистскими войсками в период второй мировой войны» [5].

Если в дефиниции коллаборационизма как совокупного социально-исторического феномена негативные оценки смягчаются, то в словарных определениях конкретных лиц, вовлечённых в процесс коллаборационизма, на первое место выходит указание на факт измены или предательства. Такое же отношение отражается и в ряде синонимов, которые заимствованное слово получает в русском языке: *предатель, изменник, дезертир, перебежчик, полицай, Квислинг* [<https://kartaslov.ru>; <https://sinonim.org.ru>].

Казалось бы, закреплённая в историческом опыте и отложившаяся в семантике слов *коллаборационизм* и *коллаборационист* связь с резко порицаемой обществом и преследуемой по закону деятельностью должна представлять собой надёжный лингвокультурный заслон для мелиорации значения, нейтрализации закодированных в нём отнесений к конкретным, исторически маркированным ситуациям. Однако, как показывает анализ современных дискурсивных практик, диктат глобализационного влияния успешно преодолевает лингвокультурную резистентность носителей языка, продвигая новый, возникший в коммерческом англо-американском дискурсе вариант употребления слова *коллаборация*.

Неосемантизация существительного *collaboration* в английском языке

В современных словарях английского языка первое значение глагола *collaborate* и образованного от него существительного *collaboration* описывается как 'процесс или ситуация совместной работы, выполняемой с целью произвести что-либо':

«Collaborate: work together to create or achieve the same thing.

Collaboration [uncountable]: 1. the situation of two or more people working together to create or achieve the same thing» [13].

В качестве второго значения приводится 'помогать тем, кто является врагом вашей страны или правительства' и соответственно 'ситуация сотрудничества с врагом':

«Collaborate: (disapproving) to help people who are an enemy of your country or government.

Collaboration [uncountable]: 2. the situation of people working with an enemy who has taken control of their country» [там же].

В основе появления нового лексико-семантического варианта лежит смена актантов взаимодействия: место врага занимает деловой партнёр, соответственно меняются цели совместно выполняемой работы и снимается закреплённая за словом ранее негативная аксиологическая маркированность. Несмотря на то, что все словари продолжают квалифицировать слово как принадлежащее к категории неисчисляемых, в деловом англоязычном дискурсе оно всё чаще употребляется в форме множественного числа, например: «*Get the latest on Collaborations from Vogue*» ('Получайте последние новости о коллаборациях от Vogue') [<https://www.vogue.com>]: «*The hottest fashion collaborations of 2022*» ('Самые горячие модные коллаборации 2022 года') [<https://www.universityoffashion.com>].

Ещё не зафиксированный словарями факт восполнения числовой парадигмы может быть объяснён влиянием внешних и внутренних языковых факторов. Существительное *cooperation* (сотрудничество) обозначало состояние или качество, отвлечённое от лиц, участвующих в процессе взаимодействия. Его принадлежность к разряду отвлечённых имён существительных исключала возможность употребления формы множественного числа. Коммерциализация актов сотрудничества, растущая популярность совместных креативных проектов вызвали необходимость создания номинаций, поддающихся количественной дифференциации. Этому же способствовала потребность в наименовании различных фирм, принимающих участие в процессе совместного творчества, а также в наименовании разрабатываемых ими продуктов. Факты метонимического употребления слова обусловили постепенный переход существительного *collaboration* в категорию исчисляемых. Как результат метонимического переноса с характера деятельности на различные виды деятельности описывает процесс плюрализации также А.А. Горбов, рассматривая его на примере слова *продажа/продажи*, восполняющего морфологическую парадигму в результате калькирования английских слов *sale/sales* [3].

Новое, переосмысленное значение слова порождает адъективный дериват *collaborative*: «involving two or more people working together for a special purpose: a collaborative effort/ venture/ study. *The presentation was a collaborative effort by everyone in the department*» ('включающий в себя двух или более людей, работающих вместе для достижения определённой цели: коллаборативные усилия / предприятие / исследование. Презентация была результатом коллаборативных усилий всех сотрудников отдела' [13].

Протекающие семантические изменения не остаются незамеченными носителями английского языка, активным образом обсуждающими различия между значениями слов *cooperation* и *collaboration* на многочисленных порталах. Часть интернет-пользователей придерживается мнения, что данные слова употребляются как синонимичные, однако слово *collaboration* в настоящее время является более модным (buzzword), другие отрицают их семантическое тождество и полную взаимозаменяемость. Основная разница между значениями двух слов чаще всего описывается как отличающиеся друг от друга цели и результаты двух видов совместной работы. В случае «коллаборации» коллектив или команда достигает общего результата, в случае «кооперации» результат не суммируется. Кроме языковых метарефлексов пользователей, проблема различия в семантике двух слов активным образом освещается на бизнес-порталах. Чаще всего разница между словами *cooperation* и *collaboration* разъясняется специалистами в области коммерции с экономической точки зрения. По их мнению, *collaboration* всегда имеет некий материально объективируемый результат, её эффектом является совместная интеллектуальная собственность и, как следствие, совместная прибыль и коммерческая выгода.

«*Collaboration and cooperation don't mean the same thing. Collaboration is a process of working with others to create something new. The output could be a service, product, or artwork, but collaborative processes always create*». ('Коллаборация и сотрудничество – это не одно и то же. Коллаборация – процесс

сотрудничества с целью создания чего-то нового. Его результатом может быть услуга, продукт или художественное произведение, то есть процессы коллаборации всегда создают что-либо»). [<https://nira.com/collaboration-vs-cooperation/>].

«*Collaboration implies shared ownership and interest in a specific outcome. If you and I collaborate on a project, we have shared authorship*». («Коллаборация подразумевает совместную собственность и заинтересованность в получении результата. Если мы с вами сотрудничаем (коллаборируем) над проектом, мы являемся соавторами» [<http://blog.jostle.me>]).

Основываясь на разъяснениях специалистов в области коммерческого дискурса, можно прийти к выводу о том, что слово *cooperation* обозначает сам процесс взаимодействия без отнесения к его цели или результату, в то время как слово *collaboration* имеет чёткое, прагматико-ориентированное целеполагание. Актуализация потенциальной коммерческой семы в слове *collaboration* приводит к возникновению нового лексико-семантического варианта, вытесняющего старое, доброе, зачастую неприбыльное сотрудничество и заменяющее его более современной, рыночной версией. Именно «присутствие «продающих» сем в англо-американизмах чаще всего эксплицирует характер взаимоотношений в рамках оппозиции «свой» / «чужой». Англо-американский номинатор произвольным образом вторгается в естественную онтологию языкового знака, видоизменяя его в нужном ему прагматическом и аксиологическом направлении» [10, с. 331].

Примечательно, что в семантике существительного, именующего акторов коллаборации, симметричный лексико-семантический вариант не появляется, слово *collaborationist* продолжает обозначать только лиц, сотрудничающих с врагом:

«*Collaborationist: person or group works with an enemy who has taken control of their country*» («человек или группа людей, сотрудничающих с врагом, захватившим контроль над их страной») [<https://dictionary.cambridge.org>]. Связь с прошлой историей слова поддерживается также в «сохранности» единственного значения в слове *collaborationism*, истолковываемого исключительно как «практика сотрудничества с врагом»: «*Collaborationism: the advocacy or practice of collaboration with an enemy*» [15].

Несмотря на функционирование данных производных только в пейоративном значении сотрудничества с врагом, дискуссии о проблемах семантико-аксиологического размежевания нового и исходного значений слова *collaboration* на просторах англоязычного Интернета отсутствуют. Данный факт вполне объясним как с экстралингвистической, так и с интралингвистической точки зрения. С одной стороны, явление коллаборационизма известно американцам только как факт чужой истории, с другой стороны, данное слово является принадлежностью научного или книжного стиля, что ограничивает его знание узким кругом специалистов.

Англосемантизация существительного *коллаборация* в современном русском языке

По мнению Н. Фэйрклоу, автора работы «Язык и глобализация», ведущую роль в распространении дискурса о глобализации играют академическая среда, государственные структуры, неправительственные организации, средства массовой информации, а также повседневная жизнь людей [14]. В данном перечне удивление вызывает отсутствие бизнес-среды, которая, вне сомнения, должна занимать первое место в ряду агентов глобализации. По нашим наблюдениям, практически каждый транслируемый в академическую среду англо-американский лексический элемент проходит стадию первоначальной «инициации» в коммерческой среде, после чего уже начинает проникать в научно-институциональный дискурс. Данная тенденция представляется вполне оправданной с точки зрения импортированной идеи о том, что образование должно зарабатывать само на себя, а не дотироваться государством. Огромное количество англоглобализмов в научно-образовательном дискурсе содержит в себе скрытые или явные коммерческие смыслы. Так, интернационализация образования предполагает привлечение иностранных студентов, способных заплатить за своё обучение; методики эдьютейнмента нацелены на расширение потенциальной аудитории потребителей платных образовательных услуг. Непосредственно из области бизнеса переносятся формы организации учебной деятельности – проекты и презентации, кейс-технологии и портфолио и т.п. Не вызывает сомнений, что «в условиях перехода к основанно-

му на принципах конкуренции обществу университет утрачивает чистоту своей академической функции, присовокупляя к ней функцию маркетинговую» [12, с. 23].

Англосемантизм *коллаборация* представляет собой один из ярких примеров перехода коммерческого термина в область научно-институционального дискурса, где он получает достаточно широкое междисциплинарное использование. Обращение к основному корпусу в НКРЯ даёт всего 8 документов при 10 вхождениях. В газетном корпусе отражается более репрезентативная картина активизации данного слова. Как показывает анализ примеров его использования, оно употребляется в нескольких значениях:

1) в качестве синонима слова *сотрудничество*, однако в целеориентированном смысле, например:

Когда идёт речь о развитии научных центров мирового уровня, надо иметь в виду, что международная коллаборация подстёгивает одновременно и острую научную конкуренцию [7].

2) в метонимических обозначениях: группы людей, работающих вместе с целью создания нового продукта или наименования самого продукта, являющего результатом совместной работы:

Коллаборация ATLAS – международная группа учёных, которая работает с одноимённым детектором Большого андронного коллайдера LHC [7].

У Supreme вышла коллаборация с японским дизайнером Йоджи Ямамото [там же].

Все зафиксированные в НКРЯ примеры эксплицитным или имплицитным образом указывают на пользу коллабораций при решении задач различного типа: создания нового продукта, реализации проектов, продвижения или обновления различных брендов. Важным свидетельством включения коллабораций в состав главных двигателей бизнеса является проведение различных конкурсов на лучшую коллаборацию, например:

Леди Гага также получила награды в категориях «Песня года» и «Лучшая коллаборация» за песню Rain On Me, записанную совместно с Арианой Гранде [<https://lenta.ru/news/2020/08/31/vma/>].

Значимость коллабораций для решения задач различного плана активно продвигается в российском научном дискурсе последнего десятилетия. Так, по запросу *коллаборация* в системе e-library получаем 451 публикацию, включающую данное слово в название статьи или в состав ключевых слов. Основные проблемные области, в которых коллаборация составляет предмет научно-исследовательского интереса, – это экономика, педагогика, социология и философия. Примечательно, что значительная часть названий статей построена по единой синтаксической модели, в которой *коллаборация* выступает в роли подлежащего, соединённого сравнительным союзом как с именным сказуемым, выполняющим функцию уточняющего разъяснения:

«Коллаборация как способ взаимодействия в современной рыночной экономике» (Кузьмин А.А., Родионов М.Г.); «Коллаборация как феномен в процессе оптимизации логистических процессов» (Хлебников В.Ю.); «Коллаборация как эффективный способ продвижения бренда» (Самойлова А.Е.); «Коллаборация как актуальный маркетинговый ход» (Никоненко А.Я.); «Коллаборации модных брендов как инновационная модель коммуникации» (Ежова Е.Н., Клышников Ю.А.) и др. Данное построение фраз свидетельствует как о новизне анализируемого феномена, так и об идее его универсальной пригодности и эффективности в условиях современного общества.

К основным областям использования англосемантизма относятся мода, или так называемая фэшн-индустрия, массовая культура и различные отрасли экономики, например:

«Цифровизация, интерактивность, коллаборация и их проявления в пространстве архитектуры, дизайна» (Гиматдинова А.А.); «Умная одежда» как пример актуальной коллаборации современных информационных технологий и индустрии моды» (Кусмидинова М.Х., Решетникова Н.С.); «Коллаборации продовольственных брендов: проектирование потребительского опыта» (Спрыжкова А.С.).

Чрезвычайную активность в использовании коллабораций как предмета изучения и объекта внедрения в практику педагогического процесса демонстрируют отечественные педагоги. В их работах *коллаборация* рассматривается как некий «волшебный ключ» к повышению эффективности обучения, успеваемости, формированию компетенций и т.п., например:

«Коллаборация как эффективная форма развития профессиональной компетентности педагогов дошкольного образования» (Расторгуева Е.С., Санникова Л.Н.); «Концепция коллаборации с целью повышения успеваемости обучающихся» (Дьяченко Н.Н., Капленко О.М.) и др.

В названиях отдельных статей педагогической направленности истинный смысл и состав входящих в коллаборацию субъектов трудно эксплицируем, что может служить в качестве косвенного свидетельства принадлежности термина к модным словам, когда он используется в большей степени с целью повышения статуса автора, или как лёгкий способ достижения эффекта научной новизны, например: «Обоснование идеи коллаборации детских направлений фитнес-клуба и речевого центра» (Комлева С.В.); «Использования коллабораций при подготовке вожатых к работе в организациях отдыха детей и их оздоровления» (Карпунин Д.В.); «Коллаборация как условие преодоления негативных факторов развития креативных пространств» (Глазкова М.А.). Заголовки отдельных статей поражают эклектизмом, который способны приобретать процессы коллаборации: «Коллаборация библиотек и профессиональных участников рынка в целях развития внутреннего туризма» (Сахарчук Е.С.) или «Китайские животные в аспекте межкультурной коммуникации на электронной платформе он-лайн коллаборации» (Завьялова Н.А., Ли Синьци, Юань Мэнмэн).

Общий смысл и каузальная основа всех «проколлаборационных» идей находят своё отражение в формулировке конкурса студенческих проектов: «Открытый научно-исследовательский конкурс проектов студентов как пример успешной коллаборации образования, бизнеса и власти» (Степанова С.А., Руглова Л.В.). Взаимовыгодное сотрудничество данных трёх составляющих рассматривается как условие бесконфликтного существования социума в новой рыночной системе. Наконец, встречаются статьи, в которых обосновывается ведущая роль коллаборации в прогрессе человечества как таковом: «Коллаборация – путь развития научно-исследовательского процесса и развития человеческого потенциала» (Ефремова И.И.).

О семантическом заимствовании *коллаборации* из языка-донора свидетельствует и активное использование гибридных техник в наименованиях статей: «Коллаборации в отечественной fashion-индустрии» (Росновская Л.В., Анохина А.С.); «Коллаборация в Instagram как один из трендов продвижения личного бренда» (Побединская Е.А., Ворсина О.Д.); «Коллаборации и cross-promotion как способы влияния на имидж бренда и аудиторию потребителей» (Трофиленкова Е.А., Шитова Ю.Ю).

Новое значение ещё не фиксируется современными словарями русского языка. Согласно Википедии, *коллаборация*: совместная деятельность (процесс), в какой-либо сфере, двух и более человек или организаций для достижения общих целей, при которой происходит обмен знаниями, обучение и достижение согласия (консенсуса) [ru.wikipedia.org]. При этом источник ссылается на англоязычный оригинал и разъясняет, что данное слово не следует путать со словом *коллаборационизм*. В русскоязычной сети Интернет также присутствуют метарефлективы пользователей, размышляющих о том, что значит слово, которое они употребляют, калькируя англоязычные дискурсивные практики:

«Если попытаться различить между собой понятия «взаимодействие», «сотрудничество» и «коллаборация», то: «коллаборация» более узкое понятие, содержащее в себе отсылку на какой-то проект, ради которого «все мы здесь сегодня собрались» [https://strelkamag.com].

«Коллаборация — объединение двух или более компаний для взаимовыгодного сотрудничества, выпуска совместных коллекций для привлечения внимания новой аудитории к своему бренду» [https://bestcube.space/kollaboratsiya-v-mode-i-bloggerov].

Не все носители современного русского языка, однако, воспринимают инновационное употребление слова вне связи с его предыдущей семантикой. Ярким примером конфликтности, возникающей при столкновении нового значения со старым, может служить зафиксированный в НКРЯ диалог двух персон российского шоу-бизнеса:

Борис отвечает: «Это же коллаборация!». Галкин в ответ: «Раньше за такое по щекам отхлестали бы» [7].

Социовозрастная дифференциация использования англосемантизма *коллаборация*

С целью выявления степени расхождения в знании семантики и оценочного модуса слов *коллаборация* и *коллаборационизм* нами было выполнено письменное анкетирование, в котором приняли участие 100 человек. Принимая во внимание то, что употребление англосемантизма *коллаборация* в наибольшей степени присуще коммерческому или междисциплинарному научному дискурсу, в качестве целевой аудитории опроса были выбраны студенты и преподаватели Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта. Общее количество опрашиваемых студентов составило 80 человек (1-3 курс направления отечественной и зарубежной филологии) и 20 человек (преподаватели университета на направлениях филологии, педагогики и психологии, в возрасте от 25 до 75 лет)¹. Анкетироваемым было предложено указать, знают ли они значение слов: *коллаборация* и *коллаборационизм*, написать их дефиницию, а также указать с помощью знаков «минус» или «плюс» предполагаемую оценочную коннотацию слов.

Анализ полученных в результате анкетирования данных выявил, что среди 80 студентов 58 указали, что знают значение слова *коллаборация*, 41 человек привели достаточно общее его определение как «объединение или совмещение различных видов деятельности», «совместная деятельность», «совместная научная или коммерческая деятельность», 13 соотнесли его только с коммерческой деятельностью («совместная деятельность нескольких фирм, брендов, музыкальных исполнителей и т.д.»), четверо написали, что слышали это слово, однако затрудняются определить его значение. Модус оценки был определен как положительный 65 студентами. Примечательно, что даже те, которые указали, что значение слова им неизвестно, воспринимают его как позитивно маркированное.

Аналогичный опрос на предмет знания семантики и прагматики слова *коллаборационизм* выявил следующие результаты: 22 студента указали, что они знают значение слова *коллаборационизм* и привели его истолкование как «сотрудничество с врагом, оккупантом и т.п.». Модус оценки слова был определен соответственно как отрицательный. Двадцать четыре студента указали, что знают слово, однако пытались истолковать его через более знакомое им слово *коллаборация* («совокупность коллабораций, масштабное явление сотрудничества, процесс соединения, феномен, тенденция, направление развития коллаборации»). Модус оценки слова был определен соответственно как положительный. Тридцать четыре студента отметили, что значение слова *коллаборационизм* им неизвестно, вследствие чего попытки предположить характер оценки слова отсутствовали. Данные анкетирования студентов представлены на диаграммах 1 и 2:

Рис. 1

¹ Заметим, что мы преднамеренно не проводили опроса среди студентов направлений истории и экономики, предполагая, что получим результаты, обусловленные спецификой профиля обучения, которые сложно будет квалифицировать как отражающие общий уровень знаний.

Среди преподавателей все респонденты истолковали значение слова *коллораационизм* как «сотрудничество с оккупационными властями, врагом и т.п.», определив соответственно модус оценки слова как отрицательный. В процессе анкетирования на предмет знания значения слова *коллораация* и его оценочного модуса 5 человек (возраст – 65 лет и выше) не были знакомы с инновационным способом его употребления, предположив, что это «единичные акты коллаборационизма», или «то же самое, что сотрудничество с оккупантами», что предопределило негативный характер оценочной семантики слова. Пятнадцать анкетировавшихся написали, что *коллораация* – это конкретные акты сотрудничества с целью создания некоего проекта, инновационного продукта, товара и т.п.. Все поставили знак «плюс» в графе оценка, при этом двое указали, что слово употребляется в положительном смысле, однако его устойчивая связь со значением слова *коллораационизм* вызывает «чувство неприятия» или «внутреннего протеста». Пятеро из данной группы уточнили, что *коллораация* – это новый синоним к слову «сотрудничество», один из них прокомментировал своё суждение как проистекающее из способа употребления слова представителями университетской администрации или менеджмента («Спасибо за коллаборацию!» – по отношению к иностранным партнёрам). Примечательно, что некоторые преподаватели снабдили собственными комментариями использование слова в новом значении («употребляю слово *коллораация* только в случае общения с иностранными партнёрами, хотя испытываю при этом внутренний дискомфорт», «использование слова в значении сотрудничества считаю недопустимым и возмутительным», «это попрание исторической памяти слова», «каждый раз, как слышу «спасибо за коллаборацию», внутренне содрогаюсь»). Таким образом, среди преподавателей было выявлено 100%-ое знание семантики слова *коллораационизм*, при этом 75% были знакомы со значением англосемантизма *коллораация* и его новой оценочностью, однако указали, что воспринимают происходящий процесс мелиорации слова как негативное и даже недопустимое явление. Данные опроса преподавателей представлены в диаграммах 3 и 4:

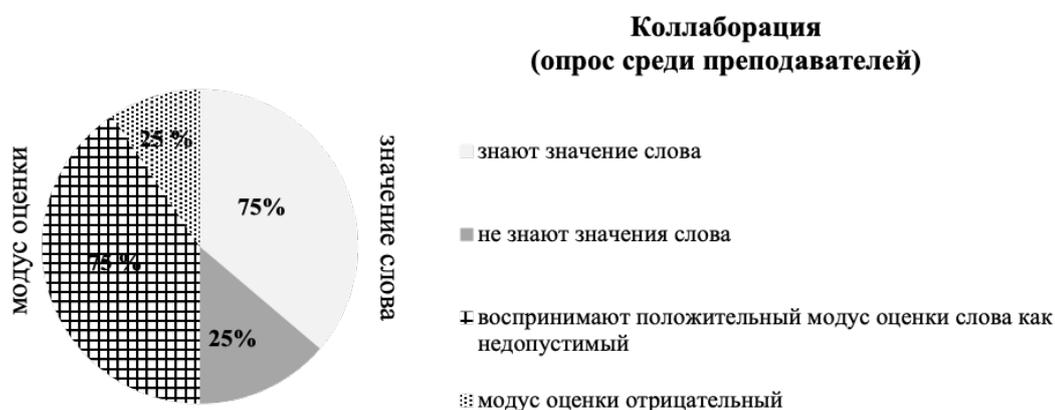

Рис. 4

Выводы

Англосемантизм *коллора́ция* представляет собой пример острого лингвокультурного расхождения с точки зрения его знания, употребления и восприятия отдельными группами носителей принимающего языка. Одни из них употребляют слово *коллора́ция* в транслируемом из американской языковой картины мира значении прагматически ориентированного сотрудничества, не чувствуя отягощённости семантики слова сопутствующим ему непростым историческим прошлым. У других такое «лайт-употребление» вызывает культурный шок, вследствие чего англосемантизм *коллора́ция* становится конфликтогенным фактором. Исторически детерминированная семантика исчезает из языкового сознания молодых носителей современного русского языка, которые, вполне вероятно, не отличаются глубоким знанием истории. Вопрос о том, что же происходит в языковом сознании поколения среднего возраста, представляющего собой авангардный отряд коллора́ции с англо-американским дискурсом, более сложный. Если в международных контактах американизированное употребление слова *коллора́ция* становится всё более распространённой практикой, то его использование отдельными носителями принимающих языков в рамках внутреннего общения представляет собой пример неосознанного или сознательного разрыва с культурным опытом слова как единицей хранения национальной памяти.

© Шкапенко Т.М., Зубрицкая Е.В., Макарова П.Ф., 2023

Список литературы

1. БАС (1950–1965) – Словарь современного русского языка: В 17 т. М. Л.: Изд-во АН СССР.
2. Горбов А. А. К вопросу о семантическом калькировании и «вторичном заимствовании» в русском языке рубежа XX–XXI веков // Вопросы языкознания, 2015, №1. С. 87–101.
3. Горбов А.А. Числовые парадигмы абстрактных существительных в русском языке XX века: тенденции развития и влияние английского языка // Russian Linguistics, 2014, Т. 38. № 1. С. 23–46.
4. Зализняк А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания, 2001, № 2. С. 13–25.
5. ИСГР (2010) - Исторический словарь галлицизмов русского языка/под ред. Н.И. Епишкина, Москва.
6. Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания, 2000, № 4. С. 85–109.
7. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (Дата доступа 3.07.2022)
8. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 610 с.
9. ТСЕ – Ефремова Т.Ф. (2000), Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва.
10. Шкапенко Т.М. Вместо послесловия // Своё vs чужое в дискурсивных практиках современного русского языка: монография /под ред. Н.Г. Бабенко, Т.М. Шкапенко. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. С. 328–335.

11. Шкапенко Т.М. Проблемы терминологизации и теоретического описания уровней языковой деривации / Т.М. Шкапенко, С.С. Ваулина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание, 2020, Т. 19. № 6. С. 204–215.
12. Шкапенко Т.М. Функционирование англоязычных заимствований в научно-образовательном дискурсе современного польского языка / Т.М. Шкапенко, М.А. Дмитриевская // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология, 2021, №3. С. 22–30.
13. DC – Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/collaboration> (Дата доступа 4.07.2022)
14. Fairclough N. *Language and Globalization*. L., 2006. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/272558986_Language_and_Globalization (Дата доступа 22.06.2022).
15. Merriam Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.merriam-webster.com> (Дата доступа 4.07.2022).
16. Witalisz A. *Anglosemantyzmy w języku polskim — ze słownikiem*. Kraków : Tertium, 2007. 342 s.

References

1. BAS (1950–1965) – *Slovar' sovremennogo russkogo iazyka: V 17 t.* [Dictionary of Modern Russian: In 17 vols.] M. L.: Izd-vo AN SSSR.
2. Gorbov, A.A. K voprosu o semanticheskom kal'kirovanii i «vtorichnom zaimstvovanii» v russkom iazyke rubezha XX-XXI vekov [On semantic calquing and 'secondary borrowing' in Russian at the turn of the 21st century] / *Voprosy iazykoznanii*, no. 1, 2015, pp. 87–101.
3. Gorbov, A.A. Chislovye paradigmy abstraktnykh sushchestvitel'nykh v russkom iazyke XX veka: tendentsii razvitiia i vliianie angliiskogo iazyka [numerical paradigms of abstract nouns in the Russian language of the XX century: trends in the development and influence of the English language] / *Russian Linguistics*, vol.38, no. 1, 2014, pp. 23–46.
4. Zalizniak, A.A. "Semanticheskaia derivatsiia v sinkhronii i diakhronii: proekt «Kataloga semanticheskikh perekhodov»" [Semantic Derivation in Synchrony and Diachrony: the Project of the "Catalog of Semantic Transitions"] / *Voprosy iazykoznanii*, no.2, 2001, pp. 13–25.
5. ISGR (2010) – *Istoricheskii slovar' gallitsizmov russkogo iazyka* [Historical Dictionary of Russian Gallicisms edited by N.I. Epishkin], Moskva.
6. Kustova, G.I. "Kognitivnye modeli v semanticheskoi derivatsii i sistema proizvodnykh znachenii" [Cognitive models in semantic derivation and the system of derived meanings] / *Voprosy iazykoznanii*, no.4, 2000, pp. 85–109.
7. NKRI – *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [National corpus of the Russian language], <https://ruscorpora.ru/new/> (accessed: 3.07.2022).
8. Paducheva, E.V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in the Semantics of Vocabulary] / *Iazyki slavianskoi kul'tury*, 2004. 610 p.
9. TSE – Efremova T.F. (2000), *Novyi slovar' russkogo iazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [A new dictionary of the Russian language. Explanatory-word-formation], Moskva.
10. Shkapenko, T.M. "Vmesto poslesloviia" [Instead of an afterword] / *Svoe vs chuzhoe v diskursivnykh praktikakh sovremennogo russkogo iazyka*: edited by N.G. Babenko, T.M. Shkapenko, Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2019, pp. 328–335.
11. Shkapenko, T.M., Vaulina, S.S. "Problemy terminologizatsii i teoreticheskogo opisaniia urovnei iazykovoii derivatsii" [Problems of Terminologization and Theoretical Description of the Language Levels of Derivation] / *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 2, Iazykoznanie*, vol. 19, no. 6, 2020, pp. 204–215.
12. Shkapenko, T.M., Dmitrovskaia, M.A. "Funktsionirovanie angloiazychnykh zaimstvovanii v nauchno-obrazovatel'nom diskurse sovremennogo pol'skogo iazyka" [Functioning of English-language borrowings in the scientific and educational discourse of the modern Polish language] / *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serii: Filologiya, pedagogika, psikhologiya*, no. 3, 2021, pp. 22–30.
13. DC – Cambridge Dictionary <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/collaboration> (accessed: 4.07.2022).
14. Fairclough, N. *Language and Globalization*. L., 2006. https://www.researchgate.net/publication/272558986_Language_and_Globalization (accessed: 10.07.2022).
15. Merriam Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com> (accessed: 4.07.2022).
16. Witalisz, A. *Anglosemantyzmy w języku polskim — ze słownikiem* [English Semantic Loans in Polish – with the dictionary]. Kraków : Tertium, 2007.

Сведения об авторах:

Шкапенко Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор Высшей школы филологии и кросс-культурной коммуникации БФУ им. И. Канта. Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика глобализации, лексическая семантика и прагмалингвистика.

E-mail: tshkapenko@kantiana.ru

Зубрицкая Екатерина Валентиновна – старший преподаватель Высшей школы филологии и кросс-культурной коммуникации БФУ им. И. Канта. Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика глобализации, лексическая семантика, ономастика. E-mail: EZubritskaya@kantiana.ru

Макарова Полина Феликсовна – старший преподаватель Высшей школы филологии и кросс-культурной коммуникации БФУ им. И. Канта. Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика глобализации, ономастика. E-mail: PMakarova@kantiana.ru

About the authors:

Tatyana M. Shkapenko, Doctor of Sc., is Professor at the Higher School of Philology and Cross-Cultural Communication at the Immanuel Kant Baltic Federal University. Spheres of research and professional interest: linguistics of globalization, lexical semantics and pragmatics. E-mail: tshkapenko@kantiana.ru

Ekaterina V. Zubritskaya is Senior Lecturer at the Higher School of Philology and Cross-Cultural Communication at the Immanuel Kant Baltic Federal University. Spheres of research and professional interest: linguistics of globalization, lexical semantics, onomastics. E-mail: EZubritskaya@kantiana.ru

Polina F. Makarova is Senior Lecturer at the Higher School of Philology and Cross-Cultural Communication at the Immanuel Kant Baltic Federal University. Spheres of research and professional interest: linguistics of globalization, onomastics. E-mail: PMakarova@kantiana.ru

Conflict of interests:

The authors confirm the absence of conflict of interests.

* * *